

Vienna Slavic Yearbook

New Series

Edited by
Stefan Michael Newerkla (Vienna) &
Fedor B. Poljakov (Vienna)

6 · 2018

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Wiener Slavistisches Jahrbuch

Neue Folge

Herausgegeben von
Stefan Michael Newerkla (Wien) &
Fedor B. Poljakov (Wien)

6 · 2018

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Автобиографические письма Николая Зарецкого*

Федор Поляков (Вена)

Abstract: The article “Nikolai Zaretsky’s Autobiographical Letters” reconstructs the artist’s biographical details, from his work in St. Petersburg to his role in the Russian émigré communities in Berlin, Prague and Paris. It clarifies his stay in the Crimea, his departure to Istanbul, his activities in Czechoslovakia and later in France. The author also discusses Zaretsky’s circle of correspondents, his exhibitions, and his valuable manuscript and art collection.

Keywords: Nikolai Zaretsky, Aleksei Remizov, Žofie Pohorecká, Roman Gul’, Nicolay Andreyev, Baroness Maria Vrangeli’, Russian Berlin, Russian Prague, Russian émigré art, Russian art and book collectors

Творческий путь художника, книжного иллюстратора и коллекционера Николая Васильевича Зарецкого (1876–1959) в диаспоре – Константинополь, Берлин, Прага и Париж – охватывает четыре десятилетия.¹ Последним прибежищем Зарецкого стал Русский Дом Земгора в Cormeilles-en-Parisis (Seine-et-Oise). Деятельность Зарецкого связана с несколькими историко-культурными контекстами – кругом «Мира искусства», военно-историческими разысканиями, художественной и литературной жизнью русской диаспоры (как, например, редакция газеты «Накануне» и «Клуб поэтов» Михаила Горлина в Берлине), игровым сообществом А. М. Ремизова. Изучение различных аспектов биографии и творчества Зарецкого подтверждает необходимость дальнейшего собирания его наследия.²

В диаспоре наряду с работами в области книжной графики Зарецкий также получил известность как организатор выставок, отражавших его преимущественные интересы – Пушкинскую эпоху, взаимодействие литературы и изыска-

* За предоставление материалов и справки, необходимые для завершения этой работы, благодарим Екатерину Андрееву (Oxford), Linda Bernard (Stanford), Елену Букрееву (Москва), Павла Дмитриева (С.-Петербург), Anne Hultsch (Praha), Алексея Климова (Vassar College New York), Stefan Michael Newerkla (Wien), Ирину Сурат (Москва), Андрея Устинова (San Francisco), Елену Федяхину (С.-Петербург), Татьяну Чеботареву (New York), Владимира Янца (Halle / Saale).

1 В обзоре Петра Ковалевского, лично знакомого с художником (см. ниже), сведения о нем отличаются невнятной лаконичностью: «Другим известным иллюстратором, представителем графического искусства был Николай Васильевич Зарецкий, который сперва работал в Берлине, а потом в Париже» (Ковалевский 1971: 268).

2 Сошлемся здесь на несколько работ: Вернер 1996; Чистова 1996; Денисенко 2000 (публикации А. М. Грачевой и И. С. Чистовой); Лейкинд / Махров / Северюхин 2000; Обатнина 2001: 243–275, *passim*; Толстой 2005; Козырева 2008; Букреева 2010, 2010а, 2010б, 2012, 2013, 2013а, 2014, 2015, 2015а, 2016; Поляков 2017; Поляков 2017а.

зительного искусства, русскую военно-историческую традицию.³ Экспозиции выставок подчеркивают непрерывность традиции русской культуры в изгнании. Свидетельством деятельности Зарецкого по утверждению такой преемственности являются его выставочные каталоги. Их историко-культурная ценность определяется отбором материала (в том числе из частных собраний) и особенностями концептуального оформления. Обратим внимание на рукописный каталог выставки Зарецкого «Рисунки русских писателей», открытие которой состоялось 2 декабря 1933 г. в Национальном музее (Národní muzeum) в Праге; в экспозицию также входили два юбилейных раздела – к 50-летию со дня смерти И. С. Тургенева и 25-летию ремизовского Обезвельволпала (Белошевская 2001: 229). В начале единственного экземпляра каталога⁴ помещена графическая рукописная стилизация, по замыслу составителя предваряющая восприятие экспонатов чешской образованной публикой (л. 7; см. ее воспроизведение – илл. 1):

Kolem mne se mihá a třepotá
pestrý svět, plný magických zjevů –
je to, jako by se brzy muselo státi
něco velikého – jako by z tohoto
chaosu musel vzejít nějaký umělecký
plod
Buď kniha – opera – obraz –
quod diis placebit
ETA Hoffmann

Внизу листа указано: «Писаль А: М: Ремизовъ.» и проставлена пагинация красными чернилами. Этот рукописный текст с функцией эпитафии содержит цитату, в которой отражено представление о взаимосвязи видов искусства в их словесном, звуковом и образном выражении («книга, опера, картина»). Источник цитаты – фрагмент из письма Э. Т. А. Гофмана к Теодору Готтлибу Гиппелю от 18 февраля 1804 г. (Hoffmann 1831: 20, Nr. 42):

<...> eine bunte Welt, voll magischer Erscheinungen, flimmert und flackert um mich her, – es ist, als müsse sich bald was Großes ereignen, – irgend ein Kunst-Produkt müsse

3 В дружеском кругу подтрунивали над собирательской страстью Зарецкого: «Художник Н. В. Зарецкий, много лет проживший в Берлине, любил вынимать из потайного бумажника истертую николаевскую пятирублевку и добродушно уверял, что пятирублевка эта сопровождала Пушкина на место дуэли, на Черную речку. На обратной стороне кредитка сохранила даже следы пушкинской крови...» (Бродский 1932). Сам Борис Бродский (автор вступительной статьи и комментария к берлинскому изданию 1923 г. *Table Talks* Пушкина), как и другие члены берлинского «Клуба поэтов», поддерживал собирательский интерес Зарецкого, передавая ему статьи и книги о Пушкине (Чистова 1996: 250–251).

4 New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture [далее – BAR], Nikolai Vasil'evich Zaretskii Papers, Box 11.

aus dem Chaos hervorgehen! – ob das nun ein Buch, – eine Oper, – ein Gemälde, seyn wird, – quod diis placebit <...>

[Перевод:

<...> пестрый мир, полный волшебных явлений, мерцает и сверкает вокруг меня – такое ощущение, как будто бы скоро должно случиться что-то значительное, какое-то произведение искусства должно возникнуть из хаоса! – будет ли это книгой, оперой, картиной – как будет угодно богам <...>].

В более поздней карандашной приписке Зарецкого к рукописной заставке общается: «Перевод с немецкого на чешский исполнен С. А. Погорецкой <,> а написан рукой А. М. Ремизова». Это свидетельство дополняет уже известную информацию о поддержке Ремизовым работы Зарецкого по созданию выставки (Обатнина 2001: 269–270). Переводчиком текста является литератор Žofie Pohorecká (урожд. Šebková, 1877–1963), в русском обиходе – Софья Антоновна Погорецкая, неоднократно сотрудничавшая с русскими писателями в Праге.⁵ В 1932 г. ею был сделан перевод каталога портретов и других изобразительных материалов на Пушкинской выставке Зарецкого (Zareckij 1932), а в 1933 г. – ремизовского (по дате публикации оригинала – «юбилейного») рассказа «Тургенев-сновидец».⁶ По представлению Зарецкого (26 августа 1932 г.) Погорецкая была пожалована титулом «кавалерсовета Дамского Обезвельволпала» (Обатнина 2001: 268).

Парадигма Гофмана, сочетавшая словесный, изобразительный и музыкальный способ самовыражения, наиболее полно соотносилась с идеей выставки Зарецкого. Поскольку позднее общавшийся с Зарецким художник Е. Е. Климов скептически оценивал его лингвистические ресурсы («Прожив в Берлине более десяти лет, Н. В. не научился говорить по-немецки, а тут в Праге так и не заговорил по-чешски»; Климов 1996–1997; Климов 2005: 308), можно предположить, что указание на оригинальную версию Гофмана, с которой был сде-

5 См. о ней подробнее: Šheidze 2002, *passim*; Белошевская 2011: 141–142, *passim*; Чхеидзе 2011. Чтение приведенного выше текста чешского перевода Гофмана дано Stefan Michael Newerkla. – Осенью 1931 г., вскоре после переезда из Берлина в Прагу, Зарецкий обращался к Погорецкой, предполагая заинтересовать ее переводами своего друга Романа Гуля на чешский (письмо Гуля к Зарецкому от 13 октября 1931 г.; VAR). Упомянув в письмах к Зарецкому о своей переписке с Погорецкой, Гуль был настроен скептически – ему казалось, что она «очень милый человек, но без связей и прочего» (письмо от 24 октября 1931 г.). По каким-то причинам, действительно, их сотрудничество не состоялось, и его «Красные маршалы» вышли позднее в другом переводе (Gul 1934). Укажем также, что в 1937 г. Погорецкая переводила сопроводительный текст Зарецкого к его юбилейному изданию открыток с пушкинскими рисунками (библиографическое описание в кн.: Rachůnková / Řeháková / Vacek 1996: 267, № 1248) и каталог Зарецкого «Рисунки Русских Писателей», о чем он сообщал в 1958 г. в письме к Д. И. Чижевскому (см. ниже).

6 Обатнина / Вахненко 2016: 200, № 1188. – Ср. также отклик Льва Гомолицкого «Тургеневские сны в ремизовских рисунках», посвященный публикации «Тридцати снов Тургенева» в пражской «Воле России» и появившийся в варшавской газете «Молва» в январе 1934 г. (Гомолицкий 2011: 212–216). О контекстах обращения к Тургеневу в литературе и критике эмиграции см. Slobin 2013: 136–162.

лан чешский перевод, восходит к другому лицу. Выбор источника такой цитаты – свидетельство еще одного сближения Зарецкого и Ремизова. Известно, какую огромную роль Гофман играл в ремизовской иерархии литературных предшественников, творчество которых повлияло на его мироощущение.⁷ Что же касается Зарецкого, то для оценки его отношения к Гофману приведем свидетельство художницы и поэтессы Нины Бродской (1892 – после 1972), также важное своей характеристикой формальных особенностей его стиля:

Это знание, эта влюбленность в русское слово и русское прошлое чужды узости: к своим любимым писателям Зарецкий причисляет, например, Е. Т. А. Гофмана, своими учителями называет Дюрера, Шардена, Домье. Словесная, историческая культура выражается в его работах безо всякой «литературности», языком строго графическим и чисто живописным; декоративная легкость и живой юмор спаяны у него непогрешимостью композиции, уверенной ясностью форм и красок, мастерством разверстки и шрифтов. От любимых почерков 18-го и начала 19-го века Зарецкий с легкостью предистижатора переходит к собственным алфавитным построениям, четким, строгим и полным шуток и выдумки. В его наиболее «прикладной» графике сильнее всего видна конструктивность основного замысла; она настолько убедительна, что даже в отмеченных определенной эпохой работах его и по сей день ничего не кажется устарелым. <...>⁸

Сходство их представлений о взаимодействии языков искусства подчеркивается различием собственного рисовального метода; по словам Ремизова: «А художник Н. В. Зарецкий – я так и не понял что толкнуло его ко мне – мое было так противоположно его искусству» (Кодрянская 1959: 98).

7 О своем обращении к Гофману Ремизов неоднократно упоминает в книге «Подстриженными глазами» (Ремизов 2000, *passim*). См. также Грачева 2010: 293–294, 342, 350.

8 Н. А. Б. 1952; цитируется по вырезке в архиве Зарецкого (ВАР) с карандашной правкой Бродской, с исправлением опечатки в имени художника (напечатано «А. В. Зарецкого»), вместо «неутомимый собиратель пушкинской иллюстрации» – «пушкинской иконографии». Заметка Бродской посвящена выставке работ Зарецкого в Доме Земгора в Кормей в июне–июле 1952 г., на которой побывали М. В. Добужинский и Пьер Паскаль (РЗ 2000: 1, 510–511). – Профессиональное мастерство Зарецкого подверглось резкой (и едва ли обоснованной) критике в отзыве искусствоведа Николая Артемьевича Еленева (1894–1967), который занимался в Праге составлением «Словаря русских художников» (Шевеленко 1995: 92). По его словам, «<...> Зарецкий не располагает в настоящей мере необходимой ремесленной сноровкой и выучкой, которая обязательна для каждого графика. У него нет предельной решенности, строгой ясности в линии и штрихе. Он рисует как бы ощупью <...>» (Еленев 1928: 291). Однако в 1932 г. Еленев входил в состав престижного чешско-русского комитета Пушкинской выставки Зарецкого (см. илл. 2), а позднее, в 1936 г., Зарецкий выступал как автор обложки к книге Еленева «Великая Княгиня Екатерина Павловна в Богемии в 1813 году» (Прага: «Государственная типография в Праге»). На экземпляре этой книги, первоначально принадлежащем Зарецкому, имеется инскрипт Еленева в дополнение к печатному перечню авторских благодарностей: «В этот список по досадному недосмотру не вошло имя Николая Васильевича Зарецкого, дружески помогавшего мне в составлении иллюстрационной части книги. Пусть же эта вставка послужит неоспоримым доказательством, как высоко ценю я вклад и знания моего дорогого сотрудника. Николай Еленев» (экземпляр из библиотеки Зарецкого предлагался на аукционе «Лотоса» в марте 2010 г., <http://www.gelos.ru/month/march2010book/paris.shtml>).

Детализация культурной памяти, придание материальным предметам или фрагментам функции ее носителей, свойственное Ремизову (ср., например, в первом же разделе книги «Россия в письменах», датированном 1917 г.: «Стал я понемногу старину читать, стал в старине разбираться и затеял по обрывышкам, по никому не нужным записям и полустертым надписям, из мелочей, из ничего представить нашу Россию»; Ремизов 2017: 7; ср. также: Поляков 2009: 364–365), вполне сопоставимо с «вещизмом» Зарецкого и его страстью к антикварному собирательству. Эту черту описывает в гротескных тонах Роман Гуль (1927: 263):

У Зарецкого в комнате холодно. Но она – как у антиквара. Стоит продавленный пружинный диван. А по стенам, окнам, на столе, на полу расставлены козловские, тереховские, гулинские, гарднеровские, софроновские, кудиновские, поповские, сипягинские, корниловские, кузнецовские чашки, вазы, блюда, тарелки, граненый хрусталь, енды, графины с сидящими мужичками на пробке.

Впоследствии тот же рассказ о берлинской неприкаянности Зарецкого в переработанном и сокращенном виде Гуль включил и в свои воспоминания (1981: 209–212), возвращаясь к следующей особенности в характере художника: «Я такой страсти к *вещам* никогда не понимал. Лишен почти вовсе. Но в Н. В. ее ценил, ибо видел, что это подлинная *страсть*, которой он *живет*. В Берлине Н. В. здорово бедствовал, но ему и в голову не могло прийти продать что-нибудь из его старины, а продать это было нетрудно» (Гуль 1981: 210; курсив оригинала). Очевидно, и в дальнейшем Зарецкий так же не стремился расстаться с предметами из своего собрания, часть которых окружала его в быту до последних дней. В 1952 г., приблизительно два года спустя после переселения Зарецкого во Францию, В. Ф. Зеелер отмечал условия его работы на новом месте: «Конечно, это не мастерская художника. Это – обиталище, притом крохотное, но очень уютное и до отказа “насыщенное” разными примечательными художественными редкостями» ([Зеелер] 1952). Впрочем, такое «обиталище» вполне соответствовало привычкам художника и на прежней квартире в Праге:

Жил Н. В. на верхнем этаже дома в мансарде, служившей ему одновременно мастерской, кабинетом, столовой и спальней. Комната была заставлена полками с книгами и увешана рисунками, литографиями, лубками, портретами. В буфет-горке красовался русский фарфор. Н. В. работал обычно стоя у высокой конторки, свет попадал в комнату через верхнее окно. Так и написал я его, стоящим у конторки за работой в своем домашнем зеленом халате. <...>⁹

Как сложилась дальнейшая судьба коллекций Зарецкого, в целом сказать затруднительно, однако основное собрание автографов, репродукций и до-

9 Климов 2005: 308–309. По свидетельству Е. Е. Климова в письме к В. Н. Масютину от 22 апреля 1947 г., он работал над портретом Зарецкого зимой 1945 г. (Вернер 1996: 353). Оригинал этого неоднократно воспроизводившегося портрета (см., например: Климов 2006: № 19) был передан сыном художника, профессором Алексеем Евгеньевичем Климовым, в фонд Дома русского зарубежья (Москва) (Соколова 2014: 646).

кументов ему посчастливилось вывезти из послевоенной Чехословакии во Францию. Дважды – в 1946 и 1949 годах – Пражский литературный архив приобрел у Зарецкого материалы, в частности, имевшие отношение к Ремизову; наиболее поздние из них датированы 1948 г. (Dandová 1981: 4). Переезд в Дом Земгора под Парижем стал возможен в 1951 г., и эта дата нередко ошибочно упоминается как время переселения Зарецкого во Францию. Однако в Париже Зарецкий оказался раньше, уже в 1950 г.; обстоятельства его переезда из Чехословакии заслуживают отдельного изучения. Но сам факт его прибытия в Париж в 1950 г. сомнений не вызывает и подтверждается его перепиской, например, письмами к нему Николая Андреева и Алексея Ремизова того же года. Письмо Андреева (цитируемое ниже) написано в конце апреля 1950 г. (и содержит ссылку на предшествующее письмо их пражского знакомого князя Михаила Петровича Долгорукова, 1907–1993). На основании опубликованного текста писем Ремизова за 1950 г. (Чистова 2000а: 327–330, № II–VII; см. также: Обатнина 2001: 273–275) ясно, что корреспонденты находятся в одном городе. Определенно этот вопрос решается при просмотре сохраненных Зарецким конвертов (BAR, Box 2): так, письмо Ремизова от 28 марта 1949 г. отправлено по адресу Praha XIX Bubenec, Terronská 42, письмо от 1 июля 1950 г. – по адресу 23 Rue de la Répinière, Paris VIII. Туда же приходили все письма вплоть до 24 июля 1951 г., а следующее письмо Ремизова, от 28 августа 1951 г., было отправлено уже в Дом Земгора (с ошибкой в написании адреса: 35 Rue du Morney вместо du Martray) – что уточняет время отъезда Зарецкого из Парижа в Кормей. Вскоре после прибытия Зарецкого в Париж «Общество любителей русской военной старины» летом 1950 г. выпустило памятную медаль к 250-летию основания лейб-гвардии, на которой на лицевой стороне был изображен бюст Петра Великого, а на обратной – выполненная Зарецким надпись, о чем сообщалось 25 июня 1950 г. (PЗ 2000: 1, 409).

Итак, в Праге Зарецкий пережил время т. н. Протектората Богемии и Моравии, конец войны, сталинские послевоенные репрессии, которые коснулись, разумеется, и русских старожилов, захват власти коммунистами в феврале 1948 г., а покинул он Чехословакию в годы диктатуры и политических процессов (о ситуации в стране см.: Žáček / Faulenbach / Mähler 2008). Историк-медиевист Николай Андреев (1908–1982), обращаясь в своем первом послевоенном письме к Зарецкому, упоминал нескольких общих знакомых, которым удалось уехать из Праги незадолго до того:

Дорогой Николай Васильевич,

Узнал из письма М. П. Долгорукого Ваш адрес и спешу выразить Вам мою искреннюю и горячую радость, что Вы живы, здоровы и во Франции. Князь Карл Шварценберг, который в Австрии, и Евгений Евгеньевич Климов, который в Канаде, спрашивали о Вас. Сообщите, пожалуйста, где и как провели Вы эти годы. <...>¹⁰

¹⁰ Письмо Н. Е. Андреева из Кембриджа от 27 апреля 1950 г. (личный архив Е. Н. Андреевой). – О Е. Е. Климове см. издание его воспоминаний, а также: Демидова 2008. – Князь Карл Шварценберг (1911–1986), член пражского Института имени Н. П. Кондакова с 1934 г.,

По получении известия от Зарецкого Андреев, к тому времени побывавший в тюрьме и чудом спасшийся, имел основания говорить о редком везении художника (письмо от 9 мая 1950 г.):

Дорогой Николай Васильевич,
Сердечно благодарю Вас за интереснейшее Ваше письмо. Очень радуюсь всем Вашим творческим и жизненным удачам, из коих наибольшая, что Вами не заинтересовались в городе Пражске. А я встречался со многими русскими пражанами, – в частности, около девяти месяцев был в обществе Александра Димитриевича Щербачева (если Вы его помните), видел также и разговаривал подробно с Верой Петровной Ефремовой (Константину Александровичу, бывшему нашему «генерал-губернатору», дали, по ее словам, пятнадцать лет «исправительно-трудовых лагерей») <...>

Действительно, Зарецкому, эмигранту с военным, в том числе и с белогвардейским прошлым, занимавшемуся разными работами во время Протектората (Русский культурно-исторический музей в Збраславе, театральная работа, публикации), посчастливилось не попасть в сети «военной контрразведки – СМЕРШ, которая в Праге была представлена особенно густо, ибо сошлись три фронта, начались аресты главным образом по русским линиям» (Андреев 2008: 497). Названные в письме Андреева имена репрессированных пражан неоднократно появляются и в его воспоминаниях. А. Д. Щербачев, выпускник Пажеского корпуса, журналист и литератор, был арестован в мае 1945 г. в Праге, находился до 1955 г. в лагере в Воркуте и умер в тех же местах в январе 1958 г. Бывший глава пражской ячейки русских национал-социалистов К. А. Ефремов, поставленный начальником т. н. «Опорного пункта» эмигра-

входил в состав его дирекции с 1940 по 1945 г. По рассказу его сына, князя Карела (Karl / Karel Schwarzenberg, * 1937), политического и общественного деятеля Чехии, он не только владел русским, но и настаивал на изучении сыном русского языка и литературы. Наша личная беседа с Карелом Шварценбергом состоялась в Вене 3 марта 2010 г. во время открытия исследовательской инициативы «Венский Восточноевропейский форум». Он заговорил по-русски, вспоминая, что в программу обучения языкам, которой придерживался его отец, входило заучивание наизусть поэтических текстов. Затем, отступив шаг назад, он не сбываясь продекламировал: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...». Несомненно, юному Шварценбергу приходилось заучивать и стихотворения на разных языках (особо он вспоминал испанский), но и этот эпизод свидетельствует о том, насколько увлечение его отца русской литературой, искусством и иконописью стало частью образования, переданного следующему поколению в послевоенные годы. По мнению бывшего коллеги Шварценберга-отца, евразийца и узника ГУЛАГа П. Н. Савицкого, такое отношение к русской культуре объясняется тем, что Шварценберг был «<...> представитель очень известного чешско-австрийского рода, ревностный католик, но с большим интересом к православию (новую вселенскую роль которого он предчувствует) <...>» (П. Н. Савицкий, Справка об Институте / Публикация Э. Н. Савицкой, примечания И. Л. Кызласовой. In: Кызласова 2004: 217). – Как и в случае с Зарецким, в своих мемуарах Е. Е. Климов о познаниях старого князя отзывался строго: «Он каким-то чудом говорил на ломаном русском языке, применяя невопад русские поговорки»; Климов 2005: 294. Поселившись после войны в Зальцбурге (Schloss Aigen), князь Шварценберг некоторое время поддерживал письменный контакт с Зарецким.

ции (отсюда его саркастическое наименование «генерал-губернатором» в письме Андреева) и сотрудничавший с гестапо, по сведениям Андреева, был казнен.¹¹ Хотя письмо Андреева и направлялось в Париж, но, как мы видим, упоминание об этих «встречах» с русскими пражанами сделано все-таки в несколько завуалированной форме.

Проживая в «сельце Кормеевка, что в двух шагах от Парижа», по его собственному выражению (в частности, в письмах к Андрееву), Зарецкий не смог полноценно реализовать выставочные планы на основе своих коллекций в парижских залах и галереях. Среди вырезок в архиве Зарецкого сохранился отзыв о его выставке в декабре 1954 г. за подписью А. М. (т. е. Арсений Мерич), с раскрывающим псевдоним прибавлением рукой Зарецкого – «А. Даманская». В газетной заметке писательница, жившая в том же Доме Земгора (и занимавшаяся своими мемуарами: Демидова 2006; Демидова 2012), так расценивала положение художника:

Будущий историк русской эмиграции напишет в свой труд не мало страниц трагических и трагикомических. И едва ли не одной из самых печальных будет глава, посвященная положению русских художников, талантливых, давно признанных, оцененных художественной критикой – и не только не имеющей ни заказчиков, ни сбыта своим картинам, но в иных случаях не располагающих даже возможностью платить натурщикам, оплачивать и отапливать свои скромные мастерские, приобретать необходимый для работы материал...

Художник такого калибра, как Н. В. Зарецкий, за которым давно установилась слава одного из лучших – не только русских, но и европейских графиков и иллюстраторов, вынужден выставлять свои работы в помещении «Дома отдыха для престарелых» в Кормей-ан-Паризис, ибо для выставки в каком-нибудь парижском зале надо располагать хотя бы несколькими десятками тысяч франков.¹²

Невзирая на стесненные обстоятельства, для Зарецкого они оказались все же намного благоприятнее, чем в Праге послевоенного времени, где, по словам Е. Е. Климова в письме к В. Н. Масютину (22 апреля 1947 г.), «[в] последние годы ему как-то не работалось. Он жил уединенно и частенько жаловался на свою заброшенность, не было атмосферы сочувствия, и его творчество как-то зачало. <...>» (Вернер 1996: 353). Об использовании вывезенных коллекций можно составить представление по проведенным им в Кормей выставкам, например, «Женщина в веках» (июль–октябрь 1953 г., июль 1955 г.; свыше 600 гравюр, лито-

11 «А у Ефремова была печальная судьба: его выдали чехам, и он был повешен вместе с начальником второго отдела гестапо Гайде, его непосредственным начальником во время оккупации и, видимо, большим палачом» (Андреев 2008: 406). Вероятно, имеется в виду Felix Heide, криминальный комиссар гестапо в Праге (отделы IIIA / IVA), упомянутый в справочнике Министерства внутренних дел послевоенной Чехословакии (Ministerstvo vnitra. K čís. Z-II-3065-28/4-46) под заглавием *Seznam příslušníků gestapa v Čechách a na Moravě* [1946], с. 93, № 1401.

12 А. М. 1954. Речь идет о выставке работ самого Зарецкого: РЗ 2000: 1, 662. См. о ней же отзыв Петра Ковалевского (Ковалевский 1954).

графий и фотографий)¹³ или «Русский воин в литературе, живописи и музыке» в июле 1954 г. (более 150 портретов).¹⁴ В том же Русском Доме проживал на покое журналист и общественный деятель Анатолий Петрович Вельмин (1883–1977; см. о нем: РЗФ 2008: I, 264) – «Представитель во Франции Архива русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке» (как указывалось на бланке его писем, с адресом земгоровского учреждения). В конце посвященной Зарецкому статьи Вельмина сообщалось о передаче в 1957 г. находившегося в Кормей личного фонда художника: «этот архив был выслан в Нью-Йорк в 9 больших посылках. <...>». ¹⁵ Именно Вельмин просил Зарецкого о написании воспоминаний; краткие машинописные заметки Вельмина (с датой 24 июня 1957 г.) были присовокуплены к остальным материалам Зарецкого, и, по-видимому, привлекались Вельминым для указанной статьи в *Русской мысли*, в которой степень информации свидетельствует об автобиографических источниках и устных рассказах самого Зарецкого. К такому относится, например, следующий эпизод, описанный Вельминым:

Интерес к истории и художественный талант уже тогда проявились в молодом корнете. По его инициативе на берегу Березины в 1901 г. были поставлены два монумента его же работы на местах мостов Наполеона. Средства на постановку монументов дал местный помещик И. Х. Колодеев – владелец исключительно богатого собрания литературных памятников о войне 1812 г., близкое знакомство с которым было так полезно молодому Зарецкому, который тогда же поместил в «Живописной России» большую статью, посвященную Березинской переправе Наполеона (подписав ее псевдонимом «Око»).

До сих пор был опубликован один подробный и литературно обработанный автобиографический документ Зарецкого (Чистова 1996: 246–248). Поскольку

13 РЗ 2000: 1, 587; 2, 63. – Тематически эта выставка отчасти пересекается с известной Зарецкому экспозицией «Русская женщина в гравюрах и литографиях» в марте 1911 г. в Императорской Академии художеств, каталог которой содержал статью Н. Н. Врангеля (1911) и описание, составленное Н. В. Соловьевым (ibid.: 25–64) и включавшее в себя 180 номеров (временной отрезок от Петра I до Александра II).

14 РЗ 2000: 1, 647. – В тетрадке с отзывами посетителей этой выставки есть запись: «Вера Зайцева 12 / 25 июля. Борис Зайцев, прапорщик запаса Российской Императорской Армии, с сердечным приветом» (BAR).

15 Вельмин 1957; отмечено также в РЗ 2000: 2, 255. Эта статья в сокращенном виде была использована и в его некрологе Зарецкого, помещенном в *Русской мысли* от 29 августа 1959 г. – По отношению к личным фондам Зарецкого впоследствии возникали вопросы о владельцах некоторых архивных единиц, а иногда и сам Зарецкий требовал возвращения предоставленных им бумаг, в том числе и собственных. Этот аспект судьбы его коллекций мы рассмотрим в другом месте.

16 Вельмин 1957. О деятельности Ивана Хрисанфовича Колодеева (1859–1914) и его собрания см.: Букреева 2011. Этот псевдоним Зарецкого был независимо от сообщения Вельмина раскрыт много лет спустя Е. М. Букреевой на основании составленного самим Зарецким списка своих публикаций. В круг общения Колодеева входил не только Зарецкий (см. Чистова 1996: 247), но и его командир генерал П. К. фон Ренненкампф (1854–1918), и тогдашние встречи в Борисове на реке Березина и имя Зарецкого упоминаются в воспоминаниях его вдовы: Ренненкампф 2013: 27, 204.

объем и отбор автобиографических сведений обусловлен контекстом ситуации, в которой возникает потребность их письменной фиксации, следует прояснить обстоятельства его написания. Автобиография датирована «5/III – 1932. Прага» – это время расцвета его пражской деятельности. На верхнем поле листа также имеется следующее, не учтенное при публикации добавление: «Написано по просьбе Др. Вольфа для библиографического журнала» (чернила, автограф Зарецкого). Не вызывает сомнения, что в приписке упомянут известный чешский специалист по истории книги Др. Josef Volf (1878–1937). Вольф был председателем комитета Пушкинской выставки, проходившей под покровительством нескольких организаций (см. илл. 2), и при участии возглавляемой им библиотеки была выпущена первая, библиографическая часть каталога (Puškiniana 1932). О его речи на торжественном открытии выставки 28 февраля 1932 г. сообщается: «Директор библиотеки Национального музея др. Вольф указал на устройство выставки, как на одну из форм работ чешского музея в деле ознакомления чешского народа с виднейшими славянскими писателями, а также отметил факт посылки Ганкой в Россию чешских песен и тот интерес, который всегда был у чешских поэтов к Пушкину» (Павлов 1932: 375). Как и Погорецкая, Вольф в августе 1932 г. был принят в Обезвелволпал и получил звание «старейшего кавалера».¹⁷

Пражская автобиография Зарецкого, содержащая и сведения о раннем этапе становления художника,¹⁸ заканчивается известием: «Зимой 1931 года мною организован в Праге кружок “Опавшие листья”, имени В. В. Розанова, работающий теперь над библиографией покойного мыслителя и собирающий биографический и иконографический материал». Это упоминание отражает одну из тем общения Зарецкого и Ремизова (Обатнина 2001: 266). В конце 1931 г. поиском розановских материалов в Берлине по просьбе переехавшего в Прагу Зарецкого занимался Роман Гуль. Сам кружок был основан почти через год, как сообщается в письме Зарецкого к Ремизову (конец 1932 г.): «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, на организационном собрании кружка “Опавшие листья” имени В. В. Розанова, состоявшемся 12 декабря текущего года, присутствующие постановили избрать Вас почетным Председателем кружка, о чем считаем для себя приятным долгом Вам сообщить» (Обатнина 2008: 785–786; Обатнина 2011: 287–288). О продолжении поиска материалов Зарецким свидетельствует письмо к нему Льва Гомолицкого из Варшавы от 9 января 1934 г.

17 Обатнина 2001: 268. – Заметку о Пушкинской выставке под рубрикой „Činnost výstavní“ поместил ежегодник Славянского института – одного из учреждений, участвовавших в ее проведении (*Ročenka slovanského ústavu*, sv. V.–VII. *Za třiletí 1932–34*. Praha 1935, 68), а также газета *Lidové noviny* (29 февраля 1932, č. 108, 2: „Český hold A. S. Puškinovi“), в обоих случаях с упоминанием имени Зарецкого (сообщено Anne Hultsch).

18 Данное в этой заметке описание поворотного момента в жизни Зарецкого: «С 1899 года я начал получать журнал С. П. Дягилева „Мир искусства“ и влияние его на меня было так сильно, что я задумал оставить полк и заняться живописью» встречается в более подробном виде в письме Зарецкого к А. Н. Бенуа 1935 г. (Обатнина 2001: 244, прим. 1; Букреева 2010а).

по поводу негативных результатов своих разысканий.¹⁹ – Автобиографическая записка Зарецкого требует комментированного переиздания, тем более что ее текст не попал в более позднюю версию статьи И. С. Чистовой (Чистова 2000).

Ниже приводятся два эпистолярных автобиографических документа Зарецкого, один из пражского, другой из французского периода его жизни, переплетенные друг с другом обстоятельствами Гражданской войны. Намеченное к изданию на лето 1914 г. Общиной св. Евгении (благотворительной организацией, с которой сотрудничал Зарецкий) пособие Н. В. Шварца «Первая помощь в несчастных случаях до прибытия врача» с его объяснительными рисунками вышло в свет уже в военное время, в 1915 г. (Поддубный 2012: 60). Также к военному времени относится его работа над иллюстрированием издания Лермонтова (Букреева 2013; Букреева 2014: 291). После октябрьского переворота 1917 г. Зарецкий находился в Добровольческой армии, а затем в составе Вооруженных сил Юга России вплоть до оставления Крыма и был эвакуирован на корабле «Корвин» (Марков 2008: 305). О некоторых перемещениях Зарецкого по югу России сообщается в его пражской автобиографии; хотя в описываемое время он и находился в рядах ВСЮР, но предпочел представить эти разъезды и командировки как поездки в связи с собиранием материалов для своей коллекции: «Случайно взятый из дому пушкинский материал я постоянно пополнял приобретениями в Екатеринодаре, Армавире, Сочи, Ялте <...>» (Чистова 1996: 247). В пражском письме к баронессе Марии Дмитриевне Врангель (см. подробно о ней и ее архивной инициативе: Шевеленко 1995) обращают на себя внимание как раз сведения о пребывании Зарецкого на южном берегу Крыма и под Царицыным. Вероятно, некоторых пояснений потребует его лаконичное упоминание (см. ниже) о том, что он находился при «отряде особого назначения» в Дюльбере – дворце Великого князя Петра Николаевича в Кореизе.

Этот отряд формировался в основном из гвардейских офицеров и был создан для охраны лиц Императорской фамилии (см., например, воспоминания генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова [Данилов 1930]), но выполнял и боевые задания на южном берегу Крыма. По словам пребывавшего тогда в Ялте на лечении в имении княгини М. В. Барятинской «Уч-Чам» кирасира, корнета Юрия Константиновича Мейера (1897–1994) (Мейер 1995: 630):

На этой пяди русской земли оставались еще немногие представители Династии, спасшиеся от казни большевиков. Государыня Мария Федоровна, Великие Князья Николай и Петр Николаевичи, Великая Княгиня Ксения Александровна с многочисленной семьей. Они жили в имениях Дюльбэре и Ай-Тодоре, и еще в

¹⁹ Гомолицкий упоминает о помещенной им по просьбе Зарецкого в газете Д. В. Философова «Молва» (Варшава) информации о выставке «Рисунки русских писателей» (см. Гомолицкий 2011: 198–199) и сообщает: «Ничего розановского в Варшаве нет. Ни у Кулаковского, ни у Чапского. Чапский читал о Розанове в Литературном Содружестве, в котором я секретарствую. У лектора было только 3 книги Розанова, и те с трудом отыскал у знакомых. Варшава Розанова знает мало. <...>». Имеется в виду доклад Юзефа Чапского на заседании варшавского Литературного Содружества 12 декабря 1931 г., на который откликнулся Д. В. Философов (Философов 1931). См. об этом также: Filosofov 2015: 199–203; Mitzner 2015: 53–55.

1919 году там была организована военная охрана, состоявшая из молодых гвардейских офицеров. Этим отрядом командовал георгиевский кавалер полковник Федотьев. Приспособляемость русских была изумительна. Несмотря на отсутствие настоящих квартир, скученность жизни, недостаток в питании, настроение было веселое. Развлекаться отпрашивались в Симферополь.

Интересные подробности о службе в отряде сообщаются в очерке служившего в нем капитана 18-го пехотного Вологодского полка Алексея Алексеевича Ступенкова (1896–1963).²⁰ Очерк имеет существенное в нашем контексте посвящение: «Свиты Его Величества, генерал-майору графу Ф. М. Нироду, посвящается».²¹ По описанию Ступенкова, в окрестностях Ялты отряд нес охрану имений Харакс и Дюльбер. Первое из них являлось местом пребывания вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. В Дюльбере же размещался его хозяин, Великий Князь Петр Николаевич; «Мавританский дворец и прекрасный при нем сад служили прибежищем и Вел. Кн. Николая Николаевича, для пополнения средств продавшего свое имение „Чаир“ инж. Иванову».²² Вблизи Вел. Кн. Николая Николаевича проживал и его адъютант граф Нирод. К этому же времени относилось знаменательное событие – эвакуация британским флотом выживших членов рода Романовых и сопровождавших их лиц. Они покинули Ялту 11 апреля 1919 г. на борту линкора *Marlborough*, взявшего курс на Мальту. Имеются различные воспоминания очевидцев и участников этого отъезда (Кудрина 2002; Владимирский 2016: 31–33); как выясняется из нашего документа, Зарецкий, откомандированный из Дюльбера позднее, а именно «летом 1919 г.», также мог быть его свидетелем.²³ По странному совпа-

20 Автор воспоминаний – сын тверского крестьянина, в 1920 г. – комендант императорских имений Ливадия и Орианда, в эмиграции в Нью-Йорке, один из организаторов «русской батареи» в составе 244-го Артиллерийского полка береговой обороны этого штата [244th Coast Artillery Regiment], существовавшей в 1929–1938 гг., к времени публикации 1950 г. жил в Канаде, умер в Сан-Франциско (Чуваков 2006: 233; Волков 2008: 483). Эти труднодоступные воспоминания публиковались дважды – в «Новом Русском Слове» от 20 апреля 1941 г. (№ 10298) под заглавием «Из воспоминаний. Отъезд Императорской семьи из Крыма» (поп. *vidi*) и в «ежедневной национально-народной» (так в призыве к подписке на нее) газете «Россия» (Нью-Йорк) (Ступенков 1950). За возможность ознакомиться с этим источником благодарим Андрея Устинова.

21 О деятельности графа Федора Максимилиановича Нирода (1871–1952) см. подробнее: РЗФ 2010: II, 297. С ноября 1911 г. по ноябрь 1912 г. Ф. М. Нирод был командиром 16-го гусарского Иркутского полка (до декабря 1907 г. – 50-й драгунский Иркутский полк), в котором некогда состоял офицером и Зарецкий (Волков 2008: 305); ср.: «Судьба моя решилась, отец определил меня рядовым в 50-й драгунский Иркутский полк, в котором во время Отечественной войны 1812 года служили – А. С. Грибоедов и отец графа Л. Н. Толстого» (Чистова 1996: 246).

22 Т. е. Филиппу Антоновичу Иванову (1871–1957), члену Государственного Совета; он приобрел имение в 1917 г., эмигрировал во Францию в 1918 г., осенью 1920 г. вернулся в Крым, снова эмигрировал в Лондон (РЗФ 2008: I, 612).

23 С теми же событиями связано выступление Ф. М. Нирода в Париже на одном из собраний, посвященном 80-летию Марии Федоровны (Нирод 1927). Рукописный вариант его речи под заглавием «Воспоминания Беженца. Ее Величество Императрица Мария Федоровна в Крыму во время революции» предлагался 10 ноября 2016 г. на аукционе «Литфонда» (Москва). По воспроизведенной части документа (две страницы из четырех, www.lit-

дению, вскоре оказавшиеся в Константинополе русские художники, в их числе и Зарецкий, встречались в Галате в ресторане „Dülber“ (Северюхин 2003: 38; Толстой 2005: 50). Галатскому мосту был посвящен и эскиз Зарецкого с таким же названием (Вернер 1996: 346).

Второй из публикуемых нами документов представляет собой черновик письма Зарецкого к Ф. М. Нироду († 4 апреля 1952 г.), который, по-видимому, также принимал участие в судьбе Зарецкого во Франции. Черновик не содержит прямой даты, но поскольку Зарецкий благодарит Нирода за «хлопоты о моем устройстве в Париже», оно было по всей вероятности написано в самом начале его парижской жизни. Упомянутый в черновике замысел Зарецкого: «Предполагаю организовать выставку портретов деятелей, произведений художников (конечно в репродукциях), чтение литературных отрывков и программу музыкальных произведений <...>» был воплощен как выставка «Русский воин в литературе, живописи и музыке» только в конце июля 1954 г.

Наконец, на основании сообщенной С. В. Волковым информации об эвакуации Зарецкого на корабле «Корвин» представляется возможным установить дату отбытия Зарецкого из Ялты в Константинополь. Итальянский пароход «Корвин» был привлечен к эвакуации в порядке мобилизации пригодных плавучих средств в Ялтинском порту под командованием контр-адмирала Павла Павловича Левицкого (1859–1938) и упоминается в конце перечня находившихся там судов русского флота (Очерк 1955: 20; 1956, № 1: 43). По описанию корнета Ю. К. Мейера (Мейер 1995: 633–634):

Мы прижаты к морю. Но судьба к людям в Ялте оказывается несказанно мило-стивой. В пустынной гавани у пирса стоит маленький итальянский грузовой пароход «Корвин». Остается абсолютной тайной, что его сюда занесло. <...> «Корвин» был переполнен. Княгиню <М. В. Барятинскую – Ф. П.> поместили в одной из немногочисленных кают; нам с Ермолинским удалось занять узкое место для лежания на открытой палубе у капитанского мостика. <...>

«Корвин» вышел в море по одним данным 13 ноября, по другим – 14 ноября (1 ноября ст. ст.) 1920 г., на борту находился 2001 человек (Очерк 1956, № 1: 45; Кузнецов 2009, приложения). Погодные условия в это осеннее время оказались благоприятны (Мейер 1995: 633–634):

«Корвин» простоял до сумерек у пристани, потом отдал концы и медленно вышел из ялтинской бухты. Для всех нас это был момент исторический, начинавший новый период жизни и, возможно, определявший все ее дальнейшее течение. <...>

Нам везло, ветра и дождя не было, и к вечеру третьего дня мы вошли в Босфор и присоединились к «России на водах» на рейде у азиатского берега Моды, где бросили якорь все суда, успевшие уйти из портов Крыма и взявшие на борт около 280 000 военных разных частей и гражданских беженцев.

fund.ru/auction/31/333/) можно заключить, что это писцовая копия с подписью графа Нирода, его же указанием на дату выступления в Париже (27 ноября 1927 г.) и место написания.

Сохранилось свидетельство и самой княгини Марии Владимировны Барятинской (1851–1937):

<...> На следующее утро мы поспешили в Ялту, чтобы найти какой-нибудь корабль, который мог бы взять нас на борт. Мне стоило больших усилий получить разрешение для наших офицеров, 3 медсестер и меня, а также доктора совершить путешествие на итальянском крейсере. Мы путешествовали на палубе, без какого-либо навеса, спали под открытым небом. Было совершенно невозможно помыться. Мы сидели в грязи, дышали угольной пылью, у нас было очень мало провизии. В Константинополе нас очень долгое время держали на рейде.²⁴

Это лишь два разделенных во времени фрагмента из описаний беженцев, оставлявших Россию на одном пароходе с Зарецким. Именно в этих условиях Зарецкий вывез свои материалы и коллекцию фарфора, оказавшиеся впоследствии в Берлине. Суждение Романа Гуля о «страсти к вещам» своего друга (Гуль 1981: 209–210; цитату см. выше) и ремаркой «И все это Николай Васильевич вывез в эвакуацию, когда люди спасали жен, детей, отцов, матерей» прочитывается, быть может, иначе на фоне свидетельств о том последнем путешествии из Ялты в Константинополь. В этом городе он сошел на берег во второй половине ноября 1920 г.

Письмо Н. В. Зарецкого – М. Д. Врангель
Прага, 29 июня 1933

Источник: *Hoover Institution Archives (Stanford), Mariia Vrangal Collection Box 2, Folder 25*. – Рукопись, автограф Н. В. Зарецкого, дореформенная орфография, на бланке с экслибрисом²⁵ в верхнем левом углу; в правом верхнем углу – помета М. Д. Врангель: «№ 40 / Папка № 1.»

N. Zarěckij
Praha XIX
Podbabská ul. čis. 892
atelier III

²⁴ Барятинская 2003. Текст представляет собой обратный перевод с английского, по берлинскому изданию: Princess Marie W. Bariatinsky, „Diary of a Russian Princess in a Bolsheviks Prison. January 1918. (Translated from the Russian)“. Имеется также французский перевод того же времени: Marie W Bariatinsky, *Une mois dans une prison bolchevik: janvier 1918, Yalta (Crimée)*. Paris 1923.

²⁵ Пушкинский рисунок «кобылицы молодой» в черновике «Подражания Анакреону» (Денисенко 1996: 590–591; ср. там же: 439; Чистова 2000: 310) и имя владельца заглавными буквами в дореформенной орфографии.

Милостивая Государыня и Глубокоуважаемая Мария Дмитриевна,

у меня были встречи с покойными Вашими сыновьями. По поручению издательства <Общины> св. Евгении мною была составлена опись развески картин Эрмитажа для барона Николая Николаевича, работавшего в то время над путеводителем по этому музею.¹ Это было весной 1914 г.²

Летом же 1919 г. я был из отряда особого назначения (сформирован в Дюльберге) направлен в штаб Кавказской армии. Когда я получил предложение сделать зарисовки мест боев под Царицыным от Музея войны в Екатеринодаре Ростове, то генерал Пётр Николаевич и В. Н. фон Драйер возили меня и показывали сии исторические места.³

1 Барон Н. Н. Врангель (1880–1915) принимал участие в работах по каталогизации картин Эрмитажа (Злочевский 2016: 70–71). Судьба упоминаемого Зарецким путеводителя, печатание которого Общиной св. Евгении предполагалось в Париже, остается невыясненной (Злочевский 2016: 120–121). Отметим, что Община св. Евгении тогда же выпустила общий справочник по Эрмитажу в малом формате (Макаренко 1916), составленный археологом и искусствоведом Н. Е. Макаренко (1877–1938; см. о нем: Васильков / Сорокина 2003: 248; <http://memoiry.pvost.org/pages/makarenko.html>).

2 В другом месте о своих занятиях в предвоенное время Зарецкий сообщает: «Весной в 1914 году, получив заказ от издательства общины св. Евгении написать книгу об древнерусском искусстве монастырей Новгорода Великого, я выехал туда. Мобилизация оторвала меня от этой работы, которая осталась незаконченной. В августе этого же года я должен был занять место хранителя в музее 1812 года, работы для открытия которого шли полным ходом, но события войны оторвали меня от этой деятельности.» (Чистова 1996: 247).

3 Генерал-майор Генерального штаба Владимир Николаевич фон Дрейер (1876–1967; РЗФ 2008: I, 508), некоторое время служивший под началом генерала фон Ренненкампа, вторым адъютантом которого состоял Зарецкий, был с ним в приятельских отношениях и упоминал его в своих воспоминаниях (Дрейер 1965: 34–35).

В работах о Зарецком неоднократно цитируется зарисовка фон Дрейера о несоответствии внешности Зарецкого облику гусара, поэтому приведем здесь информацию и о его последующих контактах с Зарецким:

В последний раз в России мы встретились с ним в 1919 году в Ялте, в Крыму, куда устремились многие, бежавшие от большевиков. – Случайно пришлось узнать, что Зарецкий благополучно перебрался из «гостеприимной» Чехословакии во Францию, и бывал довольно частым гостем у известного писателя В. П. Крымова на его вилле под Парижем.

Далее в примечании: «Дни свои Зарецкий закончил в старческом доме в городке Cogmeilles en Paris в 1962 году, где я его дважды навещал» (Дрейер 1965: 34–35; последняя дата ошибочна, Зарецкий умер в 1959 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что цитата о Зарецком из воспоминаний фон Дрейера, совпадающая с текстом опубликованных им в 1965 г. в Мадриде мемуаров (издание автора), приводится уже А. П. Вельминым в его статье 1957 г.

События Гражданской войны, упоминаемые Зарецким, были вскоре подробно описаны фон Дрейером (1921), который некоторое время был военным корреспондентом при ВСЮР (Ганин 2009: 213). Вероятно, именно благодаря своим давним отношениям с фон

Позже я был командирован в Ялту для собирания сведений о генерале, необходимые материалы предполагавшемуся изданию монографии Петра Николаевича. Тем же летом мною был исполнен прилагаемый к этому письму плакат.

Экземпляр на меловой бумаге был поднесен генералу, в день его ангела. Он был опрарвлен под стекло и оклеен золотым бордюром. Вряд ли он сохранился.

Беру на себя смелость послать этот лист, не как художественное произведение, а просто как некое историческое воспоминание о покойном Вашем Сыне.

Будучи в Ростове я познакомился с дамой, фамилию ее я забыл, которая жила в Вашей семье. У неё я видел фотографию всей Вашей семьи. На этом снимке слева сидящий в кресле штандарт-юнкер Пётр Николаевич,⁴ а возле кругленького столика с фарфоровой чашкой в руках ещё совсем юный барон Николай Николаевич.

Как хотелось бы иметь копию этого снимка и как я досаую, что не сделал этого в Ростове.

Примите уверение в моем совершенном уважении и преданности

НЗарецкий

29/VI 1933

Прага

Дрейером Зарецкий получал разъяснения о сражениях под Царицыным (закончились 30 июня 1919 г.) от самого командующего Кавказской армии генерала П. Н. Врангеля.

Как нам представляется, упоминание Зарецким «Музея войны» в Ростове имеет в виду одно из направлений деятельности ОСВАГа. Ср. описание процесса собирания свидетельств Гражданской войны на Дону в очерке Я. М. Лисового (Лисовой 1926: 210–211).

Резиденция Крымова *Villa Vlaber* находилась в Chatou. Отметим, что Зарецким была оформлена обложка книги: Владимир Крымов, *Монте-Карло*. Берлин 1927.

⁴ Звание эстандарт-юнкера было присвоено П. Н. Врангелю 2 июля 1902 г., а после сдачи экзамена на офицерский чин 12 октября того же года он стал гвардии корнетом (и отправлен в запас), что позволяет определить хронологические рамки описываемой Зарецким фотографии.

Письмо Н. В. Зарецкого – Ф. М. Нироду
<Париж, предположительно лето 1950 – лето 1951 г.>

Источник: *New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture, Nikolai Vasil'evich Zaretskii Papers, Box 6.* – Черновик письма (адресат без фамилии, отождествлен нами), рукопись, автограф Н. В. Зарецкого, чернила, карандашные дополнения, дореформенная орфография.

Ваше Сиятельство
Глубокоуважаемый
Граф Федор Максимилианович,

почтительнейше прошу Вас принять выражение моих чувств душевной благодарности за Ваше доброе, участливое отношение и хлопоты о моем устройстве в Париже. Почитаю необходимым поведать Вам о условиях моей жизни в Праге и о причинах, побудивших меня решиться на переезд в Париж. Начну издалека.

Из Константинополя в 1922 году, я отправился в Berlin,¹ где в это время был расцвет русского книгоиздательства и где я расчитывал найти работу, как художник-график.

С первых же дней по приезде в Берлин я начал работать в издательстве «Нева», где мне поручили иллюстрирование «Гробовщика» Пушкина (15 литографий), затем рисунки для «Арапа Петра Великого» (15 рисунков). Делал я рисунки и для книжных обложек в разных других издательствах.² В 1925 г. я был избран председателем «Союза Русских

1 Сообщаемая здесь дата отъезда из Константинополя (1922 г.) вызывает сомнение. Зарецкий состоял в «Союзе русских художников в Константинополе», который сформировался не позднее октября 1921 г. и учрежден 1 января 1922 г. Далее, согласно хронологическому указанию в пражской автобиографии Зарецкого: «Из Константинополя я направился в Берлин, через Вену и Прагу, где пробыл четыре месяца <...> В Берлине с лета 1922 года я начал работать как график <...>» (Чистова 1996: 247–248). В Берлине Ремизовым была сделана портретная зарисовка Зарецкого, с полукругом, соединяющим два места – Praha – Berlin и означающим завершенное перемещение. Рисунок имеет дату: «Berlin | 1922 II» (см. его воспроизведение в кн.: Обатнина 2001: [247], история этого рисунка реконструирована там же, с. 262). Это означает, что Зарецкий, встретившись с Ремизовым в Берлине после своего приезда из Праги уже в феврале 1922 г., должен был покинуть Константинополь осенью 1921 г., пробыв там приблизительно год (тем более что какое-то время занимало ожидание визы). Для уточнения дат требуется выяснить, когда именно состоялась персональная выставка Зарецкого в константинопольском клубе «Русский маяк».

2 О берлинских работах Зарецкого см. подробно: Вернер 1996; Букреева 2014: 292–297.

Живописцев, Ваятелей и Зодчих» в Берлине;³ в этой должности я оставался бессменно до отъезда в Прагу, в 1931 г.⁴

В 1926 г. журнал „Gebrauchsgraphik“, Heft 7, поместил статью о моих работах, в сопровождении 22 репродукций.⁵ В этом же журнале, в разное время были помещены мои статьи:

о художниках – О. Цингер,⁶ М. Добужинском, М. Малаховой, о «Рисунках Русских Писателей» и др.

В 1927 г. ~~выставил бть работ~~ я показал 6 своих работ на выставке Die „Jury freie“ Kunst Schau.⁷

Журнал „Sport und Bild“ N. 3. Februar 1927 поместил иллюстрации к немецкому рассказу (7 рисунков в красках).⁸

„Der Querschnitt“ Heft 10. 1928. напеча~~та~~на моя статья о роде графов Толстых – „Die Tolstojs“.⁹

„Gebrauchsgraphik“ Oktober 1928 поместил статью „Nikolaj Zaretski als Illustrator“, с 32 репродукциями частью в красках.¹⁰

Одновременно с заказными работами я собирал материал для предполагаемой выставки: «А. С. Пушкин и Русское общество его времени».¹¹ В 1932 г. эту выставку я показал в Праге в зале Народного Музея. По словам проф. Горака,¹² ни одна выставка не вызывала такого большого количества посетителей. Продолжалась она около 2 месяцев и была приобретена Президентом республики Масариком.

Для Народного театра в Праге я исполнил три балетных постановки: „Pulcinella“ – Стравинского – Перголези¹³

3 Толстой 2005: 93–94. В данном месте письма существенно указание на дату (1925 г.), поскольку зачастую дается неточная отсылка к 1923 г.

4 В Прагу Зарецкий переехал во второй половине 1931 г. (Поляков 2017: 191).

5 Статья Нины Александровны Бродской: Brodsky 1926.

6 Вернер 1996: 348–349; Герра 2010: 422–423.

7 Kunstschau 1927.

8 Зарецкий был иллюстратором рассказа писателя-экспрессиониста (впоследствии сотрудничавшего с нацистами) Alfred Richard Meyer (1882–1956), известного под псевдонимом *Munkerpunke*. См. эту публикацию: Meyer 1927 (дигитальная версия журнала на странице Австрийской Национальной библиотеки: <http://anno.onb.ac.at/>). Журнал выходил в берлинском издательстве Scherl, которое также упомянуто в пражской автобиографии Зарецкого (Чистова 1996: 248): «Позже я начал работать в немецких издательствах – Шерля <...>».

9 Saretzkij 1928.

10 Автор статьи – Н. А. Бродская: Brodsky 1928.

11 См. также: Денисенко 1996: 590–591. – Внизу страницы добавлено карандашом: «В 1930 г. участвовал 22^{на} произведениями на выставке Russischer Malerei und Graphik.» Об этой выставке см.: Толстой 2005: 124.

12 Профессор Карлова университета Jiří Horák (1884–1975), русист, специалист по славянскому фольклору, член комитета Пушкинской выставки от Славянского института (илл. 2). Обзор его ученой деятельности см. в кн.: Slavistika 1977: 259–260, 309, passim; был связан с русским академическим кругом в Праге и «Семинарием по изучению Достоевского» (Магидова 2016: 375, 537). См. о нем также воспоминания Н. Е. Андреева (2008).

13 Премьера 28 апреля 1934 г. в Национальном театре (Národní divadlo), Белошевская 2001: 257; Инов 2003: 132.

«Лебединое Озеро» – Чайковского¹⁴
 “Joan[n] von Zarissa” – v. Egk.¹⁵

Приготовлены мною рисунки к «Домику в Коломне»,¹⁶ «Горе от Ума», «Балаганчику» Блока и кукольному театру «Петрушка» и пр.

В 1945 г. я продал чешскому издательству Менаржика рукопись «Рисунки Русских Писателей» (страниц 227, репродукций 248) – рукопись, макет книги, лежит у издателя, не печатается, т. к. правительство не разрешает выдачу бумаги для напечатания книги.¹⁷

Гонорар автору и переводчице – издателем выплачен. Эту книгу я привез в Париж в надежде издать ее по-русски или по-французски.

Привез еще и другую работу, предполагая организовать выставку:

«Русский Воин в литературе, живописи, скульптуре, музыке и науке» заключает в себе свыше ста портретов деятелей развития Русской культуры.

Предполагаю организовать выставку портретов деятелей, произведений художников (конечно в репродукциях), чтение литературных отрывков и программу музыкальных произведений: 2 вальса Иркутского гусара А. С. Грибоедова и его однополчанина А. А. Алябьева – его романсов и знаменитый его «Соловей»; романсов генерала Н. А. Титова – «дедушки Русского романа», Преображенца М. Мусоргского, Ц. Кюи, инженера-генерала и профессора Академий – Инженерной – Генерального Штаба – Артиллерии, проф. Военной Медико-Хирургической Академии А. П. Бородин и офицера флота Н. Римского-Корсакова.¹⁸

14 Премьера 19 декабря 1935 г. там же, Белошевская 2001: 347; последний раз балет ставился в октябре 1940 г. (Инов 2003: 138–139).

15 Премьера балета в сентябре 1942 г. (18-го сентября?). В своем перечне работ Зарецкий упоминает «Постановку в Чешском Народном Театре» (Чистова 1996: 256, № 40). Эта информация также упомянута в статье (Вельмин 1957) и, следовательно, восходит к самому Зарецкому (в вырезке из газеты в его собрании Зарецкий переправил газетную оплошность «Вальтера Эгк» на „Werner Egk“). Поначалу сделать постановку балета в Праге предлагали Сергею Лифарю после его постановки в Париже. См.: Инов 2003: 153; Опыт 2017: 236–237.

16 Эта работа была начата еще в России: «Во время войны я начал работать над иллюстрациями к „Домику в Коломне“ А. С. Пушкина. Эта работа была мною закончена в Константинополе, во время эмиграции» (Чистова 1996: 247). См. также: Букреева 2014: 298.

17 После смерти известного издателя и переводчика Stanislav Minařík в 1944 г. и окончания войны, по-видимому, с 1946 г. некоторое время в Праге действовало издательство Vladimír Minařík, также выпускавшее переводы с русского (Зощенко, Есенин, Алексей Толстой). По сведениям Зарецкого в письме к Д. И. Чижевскому от 24 сентября 1958 г. издательство было национализировано; «Издатель уплатил гонорар мне и переводчице на чешский язык Софии Антоновне Погорецкой, ныне покойной.» (сообщено Владимиром Янценом).

18 В заметке В. Ф. Зеелера со слов Зарецкого два его замысла называются со следующими формулировками и данными об экспонатах: «Русская жизнь эпохи Пушкина и Лермонтова» (до 2500 репродукций) и «Участие русских военных в созидании Русской культуры» (свыше ста портретов) ([Зеелер] 1952).

Кроме этого в разработке собрание матерьяла для выставки «Пушкин – Лермонтов (1795–1855)».¹⁹

При изменении политического положения в Чехии все частные книгоиздательства перестали существовать и я остался без заработка. Перспектива выселения из Праги в провинцию, в деревню, или на Родину, или ... заставили меня сделать смелый шаг переезда.

Должен сознаться, что если бы не дружеское, человеколюбивое отношение ко мне семьи Ковалевских,²⁰ я не могу себе представить<, > каково было бы мое положение по приезде сюда. Ужас подумать.

Приехал я сюда совершенно больным и только благодаря хлопотам и сердечным заботам моих друзей я теперь слава Богу здоров и способен к работе. А работать я еще могу – и хочу работать.

Простите меня, если я Вас утомил своим длинным и скучным посланием.

Преданный и благодарный

Н. Зарецкий

P.S. В 1912 г. у меня приобрела *Bibliothèque Nationale* изданную мною в 1911 г. книгу в количестве 4^x нумерованных и именных экземплярах *<sic>*: «Русская Армия 1812 года», – где показана форма всех полков.²¹ Рисунки мне были заказаны издательством Общины св. Евгении Красного Креста в СПетербурге.

Экз. № 1 – библиотечка И. Х. Колодеева²²

№ 2 – Л. И. Жевержеева²³

19 Ср. Чистова 1996: 245; Чистова 2000: 289 (185 отдельных листов большого формата, 2350 гравюр, литографий, фотографий).

20 О семье Ковалевских, известной своим выдающимся вкладом в организацию общественной и религиозной жизни диаспоры, см., в частности: Нивьер 2007: 261–264; РЗФ 2008: 1, 703–705; Ягелло 2010; Росс 2014; Ульянкина 2014. – 25 ноября 1951 г. в Медоне отмечалось 300-летие просветительской работы семьи Ковалевских, к этому событию была издана особая «Памятка», обложку которой оформлял Зарецкий (РЗ 2000: 1, 435). См. текст этого очерка: Ковалевский 1951 (без воспроизведения обложки).

21 Об издании «Русская Армия в 1812 году» и местах хранения его экземпляров см.: Чистова 1996: 254; Букреева 2014: 291.

22 О личности и историко-культурной деятельности Ивана Хрисанфовича Колодеева (1859–1914) см.: Букреева 2011. Экземпляр №1 упомянут в списке работ Зарецкого (Чистова 1996: 255) и в глоссе Зарецкого к вырезке из статьи (Вельмин 1957) в его архиве (BAR).

23 Экземпляр № 2 также упомянут в списке работ Зарецкого (Чистова 1996: 255) и в глоссе Зарецкого к вырезке из статьи (Вельмин 1957) в его архиве.

Левкий Иванович Жевержеев (1881–1942) – петербургский меценат, коллекционер (см. о нем: Ильина 2013). Благодаря разысканиям П. В. Дмитриева и Е. Г. Федяхиной выяснено, что в собрании Жевержеева в С.-Петербургской Государственной театральной библиотеке находится иллюстрированный Зарецким труд: Г. С. Габаев, *Роспись русским полкам 1812 года*. Киев 1912 (Приложение к Военно-Историческому Вестнику).

Об отношениях двух коллекционеров свидетельствует экземпляр стихотворного цикла Михаила Кузмина «XIII сонетов» с инскриптом: «Николаю Васильевичу Зарецкому. М. Кузмин. 1907» в собрании Жевержеева (Дмитриев 2016: 75). Л. И. Жевержеев был также подписчиком журнала «Труды и Дни» издательства «Мусагет» (Соболев 2015: 679–680, № 25).

№ 3

Biblioth. Nation. Paris²⁴

№ 4

ген. П. П. Потоцкий²⁵

В Праге участвовал на нескольких выставках – чешских и русских художников.²⁶

Одно время замещал должность директора Рус<ского> Культурно-Исторического Музея в Збраславе – около Праги. Там был мною организован из моих материалов зал, посвященный А. С. Пушкину.²⁷

<Далее карандашом:>

Вы спрашивали в письме К. В. Т.<sic?> на какие средства я рас<с>читывал жить в Париже, на что я смею Вам ответить: конечно не на средства Ди Пи и иных благотворительных учреждений, я предполагал, что раз в Берлине и Праге так охотно и хорошо оплатили мои работы русские издательства, что я полагал, я и здесь, привезя столь ценные и редкие материалы, конечно найду издателей на мои произведения, на гонорар которых мне более чем <с> достатком хватило бы на прожитие в столице Европы, но... я жестоко ошибся и сию если не у разбитого корыта, то все же сильно заплатанного.

24 В автобиографии 1932 г. в этой связи сказано только о парижском экземпляре: «В 1911 году я выполнил к предстоящему столетию Отечественной войны 1812 года двенадцать рисунков форм русской армии для издательства общины св. Евгении. Одновременно мною лично была издана книга «Русская армия в 1812 году» в количестве 4-х пронумерованных экземпляров, из коих № 3 был приобретен Cabinet des Estampes de la Bibliothèque Nationale à Paris. (Чистова 1996: 247; выделенное курсивом *Nationale* оказалось пропущенным в цит. статье и восстановлено нами по источнику). Отметим воздействие границы в восприятии прошедшего – имена трех других владельцев книги, Колодеева, Жевержеева и Потоцкого, в пражской автобиографии, предназначавшейся для напечатания, были опущены.

25 Экземпляр № 4 также упомянут в списке работ Зарецкого (Чистова 1996: 255) и в глоссе Зарецкого к вырезке из статьи (Вельмин 1957) в его архиве. – Генерал Павел Платонович Потоцкий (1857–1938) – военный историк, коллекционер, библиофил. О трагической судьбе как его самого, так и его собраний см.: (<http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=520>).

26 Выставки перечислены в составленном Зарецким списке своих работ: Чистова 1996: 255–256.

27 Пушкинское отделение Русского культурно-исторического музея в Збраславе, в окрестностях Праги, было учреждено в 1939 г. См. подробнее: Чистова 2000: 299–300; Толстой 2005: 74–78; Букреева 2014: 299; Щеблыгина 2015; Букреева 2016: 503; Опыт 2017: 177–181.

Литература:

- А. М. 1954: А<рсений> М<ерич> [А. Ф. Даманская], Графика Н. Зарецкого, *Русские новости*, № 498, 17 декабря 1954.
- Андреев 2008: Н. Е. Андреев, *То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982)*. Под редакцией Е. Н. и Д. Г. Андреевых. С.-Петербург.
- Барятинская 2003: Княгиня Мария Барятинская, *Дневник русской княгини в большевистской тюрьме. Январь 1918 г.* / Публикация Людмилы Ивановой; перевод Ольги Литаш. In: *Крымский альбом 2003*. Т. 8 (www.krimoved-library.ru/books/krimskiy-albom-2003.html).
- Белошевская 2001: *Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике*. Т. II. 1930–1939. Под общей редакцией Л. Белошевской. Прага.
- Белошевская 2011: *Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии*. Составление и общая редакция Л. Белошевской. Кн. 1. Прага.
- Бродский 1932: Борис Бродский, *По следам царских реликвий, Наш век* (Берлин), 7 февраля, № 13, 8.
- Букреева 2010: Е. М. Букреева, *Русское зарубежье Николая Зарецкого*. In: *Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина*. Вып. 2. Москва, 113–118.
- Букреева 2010а: Е. М. Букреева, *Русская армия в 1812 году в рисунках Н. В. Зарецкого*. In: *Бородино в истории и культуре. Материалы Международной научной конференции, 7–10 сентября 2009 г.* Можайск, 377–391.
- Букреева 2010б: Е. М. Букреева, *Художник книги Николай Васильевич Зарецкий*. In: *Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі*. Вып. 12. Минск, 254–271.
- Букреева 2011: Е. М. Букреева, *Коллекция И. Х. Колодеева в системе источников по истории Отечественной войны 1812 года*. (Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук). Москва.
- Букреева 2012: Е. М. Букреева, *Русская армия в 1812 году. Из собрания Исторического музея: книжка-раскраска*. Москва.
- Букреева 2013: Е. М. Букреева, *Иллюстрации художника русского зарубежья Николая Васильевича Зарецкого к произведениям М. Ю. Лермонтова*. In: *Лермонтовские чтения – 2012. Сборник статей*. С.-Петербург, 103–114.
- Букреева 2013а: Е. М. Букреева, *Творческий путь художника Николая Зарецкого: рефлекс цели*. In: *Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина*. Вып. 3–4. Москва, 262–270.
- Букреева 2014: Е. М. Букреева, *«Пушкинист и неутомимый собиратель пушкинской иконографии» Николай Зарецкий*. In: *Болдинские чтения – 2014*. Нижний Новгород, 284–296.
- Букреева 2015: Е. М. Букреева, *Пушкиниана Н. В. Зарецкого*. In: *Пушкинский музей: альманах*. Вып. 7 / под ред. С. М. Некрасова, Г. М. Седовой. С.-Петербург, 151–164.

- Букреева 2015а: Е. М. Букреева, Пушкиниана Николая Зарецкого. In: *Сохранить для России. К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге. Каталог выставки*. Москва, 36–43.
- Букреева 2016: Е. М. Букреева, Хранитель пушкинского отделения РКИМ Николай Зарецкий. In: *Павел Федотов. Валентин Серов. Сергей Тимофеевич Конёнков. Русский культурно-исторический музей в Праге*. Москва, 503–521.
- Васильков / Сорокина 2003: *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. Издание подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. С.-Петербург.
- Вельмин 1957: А. Вельмин, Художник Н. В. Зарецкий, *Русская мысль*, № 1083, 18 июля 1957.
- Вернер 1996: В. Вернер [Waltraud Werner], Забытый мастер (Художник Николай Зарецкий). In: *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1994*. Москва, 344–355.
- Владимирский 2016: Михаил Владимирский, *Красный Крым 1919 года*. Москва.
- Волков 2008: С. В. Волков, *Русская военная эмиграция: издательская деятельность*. Москва.
- Врангель 1911: Барон Н. Н. Врангель, *Русская женщина в искусстве*. In: *Русская женщина в гравюрах и литографиях. Выставка портретов*. С.-Петербург, 7–22.
- Ганин 2009: А. В. Ганин, *Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы*. Москва.
- Герра 2010: Ренэ Герра [René Guerra], «Когда мы в Россию вернемся...». С.-Петербург.
- Гомолицкий 2011: Лев Гомолицкий, *Сочинения русского периода*. Издание подготовили Любовь Белошевская, Петр Мицнер и Лазарь Флейшман под общей редакцией Лазаря Флейшмана. Т. III. Москва.
- Грачева 2010: А. М. Грачева, *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы)*. С.-Петербург.
- Гуль 1927: Роман Гуль, *Жизнь на фукса*. Москва–Ленинград.
- Гуль 1981: Роман Гуль, *Я унес Россию. Апология эмиграции*. Т. I. *Россия в Германии*. Нью-Йорк.
- Данилов 1930: Ю. Н. Данилов, *Великий князь Николай Николаевич*. Paris.
- Демидова 2006: А. Ф. Даманская, *На экране моей памяти*. С. И. Таубе-Аничкова, *Вечера поэтов в годы бедствий (Из моих литературных, редакторских и иных воспоминаний)*. / Публикация, подготовка текстов, вступ. статья, комментарии О. Р. Демидовой. С.-Петербург.
- Демидова 2008: О. Р. Демидова, Евгений Климов – забытый художник русской эмиграции. In: *Лейкинд 2008*, 105–113.
- Демидова 2012: Ольга Демидова, Алексей Ремизов в воспоминаниях Августы Даманской, *Polilog. Studia Neofilologiczne*, nr. 2, 203–211 (arch.apsl.edu.pl/poli-log/pliki/nr2/20.pdf).
- Денисенко 1996: С. В. Денисенко, Рисунки в рукописях Пушкина. In: А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 17 томах*. Т. 18 (дополнительный). *Рисунки*. Москва, 583–597. (<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push19/vol18/s18-583.htm>).

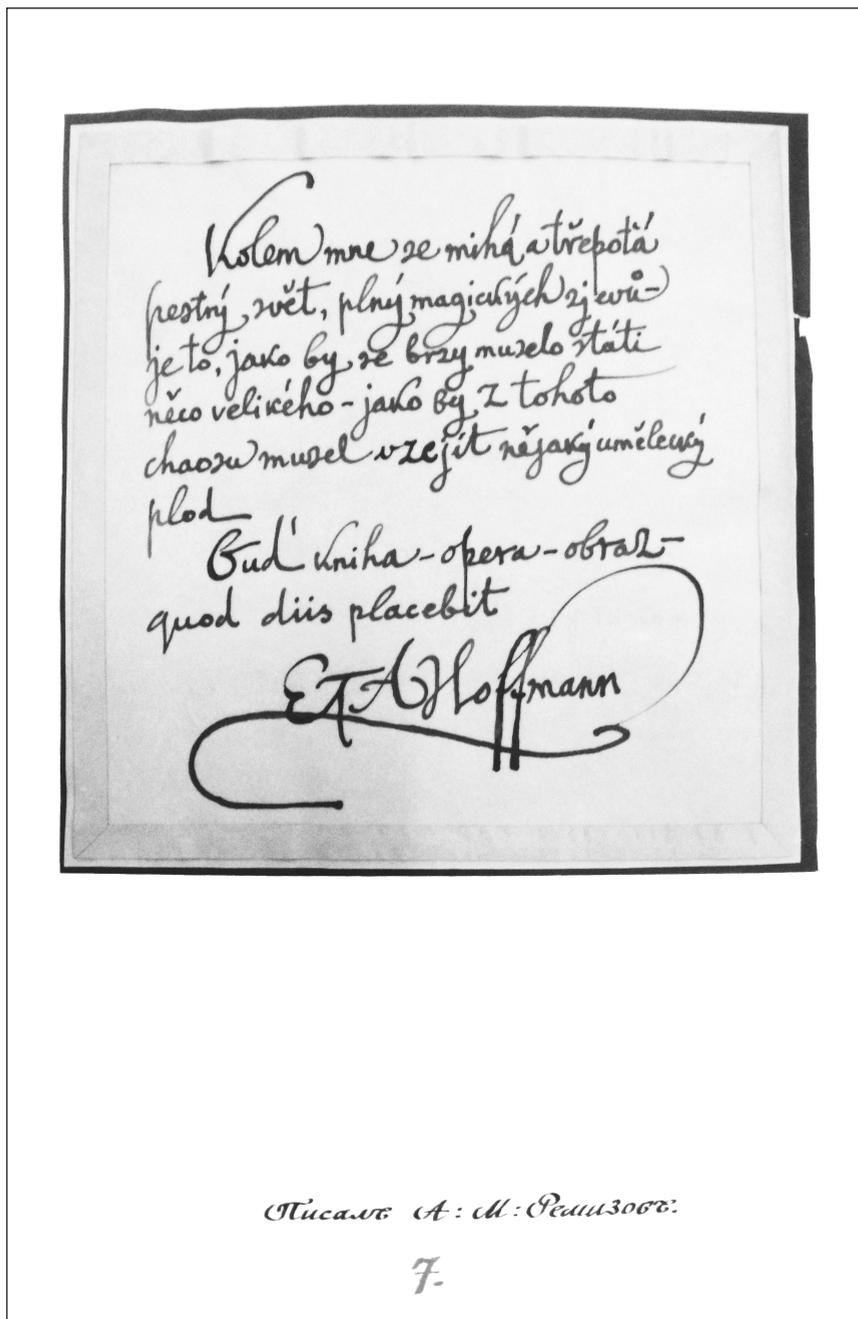
- Денисенко 2000: *Рисунки писателей. Сборник научных статей* / Сост. С. В. Денисенко. С.-Петербург.
- Дмитриев 2016: П. В. Дмитриев, М. Кузмин: *разыскания и комментарии*. С.-Петербург.
- Дрейер 1921: В. фон Дрейер, *Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного Севера с белым Югом 1918–1920 года*. Берлин.
- Дрейер 1965: Генерал В. Н. фон Дрейер, *На закате империи*. Мадрид (http://vtozaya-literatura.com/pdf/dreyer_na_zakate_imperii_1965__ocr.pdf).
- Еленев 1928: Николай Еленев, *Русское изобразительное искусство в Праге*. In: *Русские в Праге 1918–1928 гг.* Редактор-издатель С. П. Постников. Прага (reprint Praha 1995), 284–310.
- [Зеелер] 1952: Владимир > Зеелер, У Н. В. Зарецкого, *Русская мысль*, № 485, 17 сентября 1952.
- Злочевский 2016: Г. Д. Злочевский, «Герой и рыцарь искусства». Н. Н. Врангель: *Жизнь и творчество*. Москва.
- Ильина 2013: О. Н. Ильина, Левкий Иванович Жевержеев (1881–1942) и его «Опись моего собрания», *Труды Санкт-Петербургского Государственного Института культуры*, т. 201, 156–173.
- Инов 2003: Игорь Инов, *Литературно-театральная, концертная деятельность беженцев-россиян в Чехословакии (20-е–40-е годы 20-го века)*. II. Praha.
- Климов 1996–1997: Из воспоминаний Е. Е. Климова. Публикация А. Е. Климова, *Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA, XXVIII* (http://www.russkije.lv/files/images/text/PDF_Files/Klimov_memoirs.pdf).
- Климов 2005: Е. Е. Климов, <Воспоминания> / Составитель и автор вступ. статей Юрий Абызов. In: *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*, X. Рига, 214–362.
- Климов 2006: Е. Е. Климов, *Избранные работы*. Составитель А. Е. Климов. Рига.
- Князевская 1996: *Русское подвижничество*. Сост. Т. Б. Князевская. Москва.
- Ковалевский 1951: [Петр Ковалевский], *Род Ковалевских за триста лет 1651–1951*. Париж (<http://mognovse.ru/ck-rod-kovaljevskih-za-trista-let-1651-1951-pa-gij-1951.html>).
- Ковалевский 1954: П. Ковалевский, *Выставка работ Н. В. Зарецкого, Русская мысль*, № 719, 15 декабря 1954.
- Ковалевский 1971: П. Е. Ковалевский, *Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)*. Paris.
- Кодрянская 1959: Наталья Кодрянская, *Алексей Ремизов*. Париж.
- Козырева 2008: Н. М. Козырева, *Письма М. В. Добужинского Н. В. Зарецкому (по материалам Бахметевского архива)*. In: *Лейкинд 2008*, 176–189.
- Кудрина 2002: *С высоты престола. Из архива императрицы Марии Федоровны (1847–1928)*. Публикация Ю. В. Кудриной, *Наше наследие*, № 62 (www.nasledie-rus.ru/podshivka/6203.php).
- Кузнецов 2009: Никита Кузнецов, *Русский флот на чужбине*. Москва.
- Кызласова 2004: *Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки* / Сост. И. Л. Кызласова. Москва.

- Лейкинд 2008: *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья*. Отв. ред. О. Л. Лейкинд. С.-Петербург.
- Лейкинд / Махров / Северюхин 2000: О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин, *Художники Русского зарубежья 1917–1939. Биографический словарь*. С.-Петербург (<http://www.artgz.ru/1804783772.html>).
- Лисовой 1926: Я. М. Лисовой, Памятка «Музея Современных Событий в России». In: *Белый Архив. Сборник материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. под редакцией Я. М. Лисового*. Париж, 208–219.
- Магидова 2016: Мария Магидова, *Под знаком каталогов и материалов к... В. Н. Тукалевский и русская книга за рубежом 1918–1936 гг.* С.-Петербург.
- Макаренко 1916: Николай Макаренко, *Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель*. Петроград.
- Мейер 1995: Ю. К. Мейер, Записки последнего кирасира. / Публикация А. В. Шахова. In: *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах*. VI. Москва, 547–636 (feb-web.ru/feb/rosarc/gab/gab-547-.htm?cmd=p).
- Н. А. Б. 1952: Нкина> А<лександровна> Б<родская>, Творчество [Н.] В. Зарецкого, *Русские новости*, № 369, 27 июня 1952.
- Нивьер 2007: Антуан Нивьер [Antoine Nivière], *Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995. Биографический справочник*. Москва–Париж.
- Нирод 1927: Ф. М. Нирод, Императрица Мария Федоровна в Крыму во время революции (Доклад графа Ф. М. Нирода в Париже 14 (27) ноября 1927 года), *Двуглавый Орел* (Париж), № 14, 14–18.
- Обатнина 2001: Елена Обатнина, *Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах*. С.-Петербург.
- Обатнина 2008: Елена Обатнина, Ремизов Алексей Михайлович. In: *Розановская энциклопедия*. Составитель и главный редактор А. Н. Николюкин. Москва, 781–788.
- Обатнина 2011: Елена Обатнина, Вариации памяти (Творческая история «Кухни» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове). In: Алексей Ремизов, *Кухня. Розановы письма*. Издание подготовила Е. Р. Обатнина. С.-Петербург, 231–319.
- Обатнина / Вахненко 2016: Е. Обатнина / Е. Вахненко, *Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013)*. С.-Петербург.
- Опыт 2017: *Zkušenost exilu. Osudy exilantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu / Опыт изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии*. Прага.
- Очерк 1955 / 1956: [Н. Р. Гутан], Краткий очерк действий флота при эвакуации Крыма в ноябре 1920 года и пребывания его на чужбине, *Морские Записки / The Naval Records*, XIII, 1955, № 2 / 3, 3–22; XIV, 1956, № 1 (41), 38–52; № 4 (43), 45–57.

- Павлов 1932: А. Павлов, Пушкинская выставка в Праге, *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, XI, 372–375.
- Поддубный 2012: М. В. Поддубный, О медицинской и издательской деятельности Общины святой Евгении, *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, № 3, 57–61.
- Поляков 2009: Федор Поляков, «Беспамятство» русской культуры XVIII века и прапамять письменного знака в языковом сознании Алексея Ремизова. In: *Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation. Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter*. Hrsg. von Juliane Besters-Dilger und Fedor V. Poljakov. *Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация. Сборник статей памяти Герты Хюттл-Фольтер*. Под редакцией Юлиане Бестерс-Дильгер и Федора Полякова. Frankfurt am Main [u. a.], 357–373 (Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe, 5).
- Поляков 2017: Ф. Б. Поляков, Евгений Замятин и Николай Зарецкий: к истории пражской «невстречи» 1932 г. In: *Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А. Ю. Галушкина* / Отв. ред. В. В. Полонский; Составители М. П. Одесский, М. Л. Спивак. Москва, 189–198 (Библиотека «Литературного наследия». Новая серия. Вып. 1).
- Поляков 2017а: Ф. Б. Поляков, Алексей Ремизов и берлинские автографы Андрея Белого. In: *Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика*. / Редакторы-составители Корнелия Ичин и Моника Спивак. Белград–Москва, 294–303.
- Ремизов 2000: А. М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 8. *Подстриженными глазами. Иверень*. Москва.
- Ремизов 2017: А. М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 13. *Россия в письменах*. С.-Петербург.
- РЗ 2000: *Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975. Франция*. Т. 1(5). 1940–1954; Т. 2(6). 1955–1963. Под общей редакцией Л. А. Мнухина в сотрудничестве с Т. Л. Гладковой, В. К. Лосской, И. М. Невзоровой, А. И. Серковым и Н. А. Струве. Париж–Москва.
- РЗФ 2008 / 2010: *Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь*. Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Том 1 (2008), 2 (2010). Москва.
- Ренненкампф 2013: Вера Николаевна Эдлер фон Ренненкампф, *Воспоминания*. Составление, подготовка текста и примечания Н. С. Андреевой. Москва.
- Росс 2014: Николай Росс, *Летопись русской православной эмиграции во Франции*. In: *Пасхальный свет на улице Дарю. Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов*. Составитель, автор предисловия и примечаний Николай Росс. Нижний Новгород, 5–35.
- Северюхин 2003: Дмитрий Северюхин, *Русская художественная эмиграция 1917–1939*. С.-Петербург (Петербургские исторические записки, издаваемые Дмитрием Северюхиным, вып. 1).
- Соболев 2015: А. Л. Соболев, К истории журнала *Труды и дни*: реестр подписчиков, *Russian Literature*, LXXVII / IV, 663–718.

- Соколова 2014: Т.Ф. Соколова, Художник Евгений Евгеньевич Климов: Материалы к биографии. In: *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2013*. Москва, 633–646.
- Ступенков 1950: А. Ступенков, Отъезд членов Императорской семьи из Крыма, Россия. Ежедневная газета под редакцией Н. П. Рыбакова (Нью-Йорк), Vol. XVIII, № 4359, 14 апреля 1950.
- Толстой 2005: Андрей Толстой, *Художники русской эмиграции*. Москва.
- Ульянкина 2014: Т. И. Ульянкина, Дневники П. Е. Ковалевского: 1921–1938 гг. Жизнь русской эмиграции первой волны во Франции. In: *Нансеновские чтения 2012*. С.-Петербург, 17–39.
- Философов 1931: Дмитрий Философов, «Томление духа», *За Свободу!*, 1931, № 328, 16 декабря, 2.
- Чистова 1996: И. С. Чистова, Труды и дни Николая Зарецкого. In: *Князевская 1996*, 244–257.
- Чистова 2000: И. Чистова, Труды и дни Николая Зарецкого. In: *Денисенко 2000*, 288–304.
- Чистова 2000а: Письма А. М. Ремизова к Н. В. Зарецкому (1949–1951). Публикация и комментарии И. С. Чистовой (при участии С. В. Денисенко). In: *Денисенко 2000*, 326–340.
- Чуваков 2006: В. Н. Чуваков, *Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–2001*. Т. 6, кн. 2. Москва.
- Чхеидзе 2011: Константин Чхеидзе, *Путник с Востока. Проза. Литературно-критические статьи. Публицистика. Письма*. / Составление, вступ. статья, подготовка текста, комментарии А. Г. Гачевой. Москва.
- Шевеленко 1995: Ирина Шевеленко, *Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде)*. Stanford (Stanford Slavic Studies, 9).
- Щеблыгина 2015: И. В. Щеблыгина, Русский культурно-исторический музей в Праге и его художественная коллекция. In: *Сохранить для России. К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге. Каталог выставки*. Москва, 18–35.
- Ягелло 2010: О. Владимир Ягелло, Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978). In: *Преподобный Сергей в Париже. История Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института*. Ответственный редактор протопресвитер Б. Бобринский. С.-Петербург, 362–371.
- Brodsky 1926: N. A. Brodsky, Nikolai Saretzky, *Gebrauchsgraphik: Monatszeitschrift für visuelle Communication und künstlerische Werbung* (München), Bd. 3, Nr. 7, 63–70 (<http://design.illustrierte-presse.de/die-zeitschrift/werkansicht/dlf/132051/1/0/>).
- Brodsky 1928: Nina A. Brodsky, Nikolai Saretzki als Illustrator, *Gebrauchsgraphik. Monatsschrift zur Förderung künstlerischer Reklame*. / *International Advertising Art* (Berlin), Jg. 5, Heft 10, 54–65.

- Čheidze 2002: *Zírající do slunce. Literárněvědný sborník o životě a díle gruzinského knížete Konstantina Čheidzeho, spisovatele v Čechách*. Sestavili Vladimír Bystrov a Jiří Vacek. Praha.
- Dandová 1981: Marta Dandová, *Nikolaj Vasiljevič Zareckij (1876–1959). Písemná pozůstalost*. Praha.
- Fiłosofow 2015: Dymitr Fiłosofow, *Pisma wybrane. T. 2. Rosjanin w Polsce (1920–1936)*. Wybór i opracowanie: Piotr Mitzner. Warszawa.
- Gul 1934: Roman Gul, *Rudí maršálové: Vorošilov, Buděnný, Blücher, Kotovskij*. Přeložili Dr. V<áclav> Foch a Oleg Vojtišek. Praha.
- Hoffmann 1831: *Aus Hoffmann's Leben und Nachlass*. Herausgegeben von dem Verfasser des Lebens-Abrisses Friedrich Ludwig Zacharias Werners. Neue vermehrte und verbesserte Ausgabe. Drittes Bändchen. Stuttgart.
- Kunstschau 1927: *Juryfreie Kunstschau Berlin 1927. Malerei – Graphik – Plastik und Ausstellung religiöser Kunst. Landes-Ausstellungsgebäude am Lehrter Bahnhof*. Berlin.
- Meyer 1927: Munkepunkte, Die Stadt des längsten Karnevals. Zeichnungen von N. Saretzky, *Sport im Bild. Das Blatt der guten Gesellschaft* (Berlin), 4. Februar 1927, 116–118.
- Mitzner 2015: Piotr Mitzner, *Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa*. Warszawa.
- Puškiniana 1932: »Výstava Puškin a jeho doba«. Pořádaná v budově Národního musea v Praze v březnu r. 1932. Knižní část. *Puškiniana. Katalog díla Puškinova a prací o něm. Sestaven úředníky knihoven musejní a Slovanské*. Praha (<http://feb-web.ru/febbit/pushkin/biblio/p32/p32-001.htm>).
- Rachůnková / Řeháková / Vacek 1996: Zdeňka Rachůnková / Michaela Řeháková / Jiří Vacek, *Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945 (Bibliografie s bibliografickými údaji o autorech)*. Díl I, svazek 1. Praha.
- Saretzkij 1928: Nikolaj Saretzkij, Die Tolstojs, *Der Querschnitt* (Berlin), 8, Heft 10, 683–686.
- Slavistika 1977: Milan Kudělka, Zdenek Šimeček, Vladislav Šťastný, Radoslav Večerka, *Československá slavistika v letech 1918–1939*. Praha.
- Slobin 2013: Greta N. Slobin, *Russians Abroad. Literary and Cultural Politics of Diaspora (1919–1939)*. Edited by Katerina Clark, Nancy Condee, Dan Slobin, and Mark Slobin. Boston.
- Žáček / Faulenbach / Mähler 2008: Pavel Žáček / Bernd Faulenbach / Ulrich Mähler (Hg.), *Die Tschechoslowakei 1945/48 bis 1989. Studien zu kommunistischer Herrschaft und Repression*. Leipzig.
- Zareckij 1932: Výstava »Puškin a jeho doba« pořádaná v budově Národního musea v Praze v březnu roku 1932 pod protektorátem Rady hlav. města Prahy a Národní rady československé Slovanským ústavem v Praze. N. V. Zareckij, *Katalog části obrazové*. Přeložila Žofie Pohorecká za red. Stan<islava> Petíry. Praha.

Илл. 1. Каталог Н. В. Зарецкого «Рисунки Русских Писателей» (Прага, 1931 г.), л. 7. Эпиграф из Э. Т. А. Гофмана в переводе Žofie Rohoňecká, автограф А. М. Ремизова

POD PROTEKTORÁTEM
RADY HLAVNÍHO MĚSTA PRAHY
A
NÁRODNÍ RADY ČESKOSLOVENSKÉ

*

VÝSTAVNÍ KOMITÉT:

Předseda:

Ph. Dr. JOSEF VOLF, ředitel knihovny Národního musea.

Členové:

ZA SLOVANSKÝ ÚSTAV:

Univ. prof. Dr. JAROSLAV BIDLO,

Univ. prof. Dr. VLADIMÍR A. FRANCEV,

Univ. prof. Dr. JIŘÍ HORÁK,

Univ. prof. Dr. MILOŠ WEINGART, jednatel I. odb. S. Ú.

*

ZA KNIHOVNU NÁRODNÍHO MUSEA:

ředitel Ph. Dr. JOSEF VOLF.

*

ZA SLOVANSKOU KNIHOVNU MINISTERSTVA

ZAHRANIČNÍCH VĚCÍ:

přednosta JUDr. a PhDr. OTTO KŘÍŽEK,

ředitel Dr. VLADIMÍR N. TUKALEVSKIJ.

*

ZA KOMITÉT „DNE RUSKÉ KULTURY“:

SOFIE hr. PANINOVÁ, předsedkyně,

N. J. ASTROV,

A. L. BEM, lektor univ. Karlovy,

N. ELENEV.

*

N. V. ZARĚCKIJ, akad. malíř.

★

Илл. 2. Организационный комитет Пушкинской выставки в Праге (1932)
(Zareckij 1932: [V])